

12+

Нина Дианина

Возвращение в
неизвестное

Книга 2

Нина Дианина

**Возвращение в
неизвестное. Книга 2**

«Автор»

2020

Дианина Н.

Возвращение в неизвестное. Книга 2 / Н. Дианина — «Автор»,
2020

Вторая книга из цикла "Возвращение в неизвестное". Путешествие в будущее продолжается, несмотря на постоянно возникающие перед путниками трудности и преграды. Но в этом непростом долгом путешествии кто-то из их маленького отряда встретит свою любовь, кто-то обретёт семью, а кто-то сможет начать новую жизнь.

© Дианина Н., 2020

© Автор, 2020

Нина Дианина

Возвращение в неизвестное. Книга 2

Все единицы измерения для удобства читателя переведены в СИ.

Глава 1

Портал погас. Глен остался в темноте, и только в отверстие сверху с любопытством заглядывала луна, словно ей было интересно, что делает внезапно появившийся в этом мире человек.

Мужчина лёг на землю, расслабился и стал ожидать привычного наплыва боли, которая была неизбежна после каждого перехода через портал. Она не замедлила накрыть его всей своей мощью. Тело скрутил мышечный спазм, накатила тошнота, шум в ушах зазвенел набатом. Прыжок на тысячу лет в будущее сделал Глена моложе на десять лет, но это резкое возвращение молодости требовало свою плату от перестраиваемого организма.

Глен знал, что сейчас ничем себе не помочь. Надо было только потерпеть, тем более в этот раз мучительное состояние должно было пройти легче и быстрее, чем при прошлом переходе. Всё-таки десять лет это не двадцать как в прошлый раз.

Он давно смирился с тем, что именно болью приходилось платить за путешествия между эпохами. Глен обладал редкой магической способностью: видеть порталы, связывающие прошлое и будущее. Люди, обладающие таким видением, назывались магами-странниками. Таких одарённых рождалось очень мало, и вдобавок их способности требовали наставника. В одиночку молодым магам почти невозможно было развить свой дар. Часть таких одарённых проживало свои жизни даже не подозревая о даре.

Месяц назад из прошлого тысячелетия он провёл через портал Элю и Павла. Они втроем прыгнули на тысячу лет вперёд и стали моложе на двадцать лет. Ему стало около шестидесяти. В этот раз этого портала другие свойства. Прыжок на тысячу лет вперёд сделает его моложе всего на десять лет.

– Всего на десять, значит, будет легче перенести перестройку организма в новое состояние, всё быстрее закончится, – пробилась мысль в замутнённое болью и тошнотой сознание.

Он задышался в этих мучительных волнах целую вечность прежде, чем почувствовал, что они мало-помалу начинают отступать.

Луны уже не было, когда мужчина смог вздохнуть полной грудью и оглядеться. В отверстие на потолке были видны облака на светлеющем рассветном небе. Было тихо и не чувствовалось опасности. Тело ещё было слабым, маг разрешил себе закрыть глаза и позволить сознанию погрузиться в сон. Отдых после этого вынужденного перехода был необходим.

Глен проснулся, когда луч солнца заглянул в отверстие на потолке и коснулся его лица. День был в самом разгаре.

Мужчина сел и встряхнулся. Вокруг всё так же было тихо, значит, нора, в которой он оказался, была вне людского поселения. Города и деревни всегда наполнены голосами, лаем собак и звуками человеческой деятельности.

Хорошо, что Эля силком всунула ему пластиковую бутылку воды. Хотя бы жажда не будет мучить первые часы, а вот голод после перехода бывает просто зверским, организм потребует энергии для перестройки. Надо пошевелиться, как-то вылезать из этой норы и добыть еды да побольше.

Да уж, от дома главы Алатая, где Глен вошёл в портал, за тысячу лет остался только мраморный куб престола и полусгнившие рухнувшие балки, державшие на себе основную массу земли, которая со временем образовалась над развалинами. К счастью, осталось свободным пространство перед престолом – то самое где находился портал.

Глен осторожно приподнялся. Отверстие сверху оказалось щелью между двумя накрест лежащими балками, в которую провалилась земля на высоте чуть больше двух метров. Похоже, самое главное было не устроить обвал в попытке выбраться.

Мраморный престол наполовину выступал из земляной стены. Если бы он находился под отверстием, было бы проще, можно было бы оттолкнуться от него, чтобы вылезти, но он стоял в стороне.

Мужчина огляделся. Из инструментов была только сапёрная лопатка и остаток от меча, которым бывший друг не давал Глену вернуться обратно. Приходится признать, он тут без друзей, без вещей и в полной неопределённости.

После нескольких попыток он смог удачно воткнуть сапёрную лопатку и, опираясь на неё, оттолкнуться и ухватиться за края отверстия.

Когда он выбрался на поверхность, расширив дыру, то первое время просто лежал, ничего не видя вокруг. Он был ещё слаб, и каждое усилие давалось с трудом.

Через некоторое время Глен немного пришёл в себя, поднял голову и посмотрел вокруг. Он лежал на заросшем травой пастбище, от которого с одной стороны совсем рядом виднелись плотные заросли буйной южной растительности, а с другой вдалеке через несколько километров виднелись постройки.

Оказывается, за тысячу лет город Алатай не исчез, а просто переместился немного в сторону, забрав с собой все дома и жителей.

Глен присмотрелся. Да, постройки немного видоизменились и город чуть вырос, но явно далёк от процветания. Когда маг был в этой эпохе в прошлый раз, до Алатая он не доехал, тогда нужды не было, поэтому в этом тысячелетии в городе не бывал, ни с кем не знаком и за помощью обращаться ему не к кому. Тогда их с Лютером Алатай не интересовал, они стремились в Наул. Именно там находился сохранившийся храм и портал, оттуда они тогда три года назад и ушли на тысячу лет в прошлое, за один шаг став старше на десять лет. Теперь снова предстояло посетить тот же храм в Науле, чтобы попытаться забрать друзей уже из прошлого.

Маг скрипнул зубами. Он вскипал каждый раз, когда вспоминал о бывшем друге.

– Лютер, мерзавец! Усложнил и без того непростой путь домой.

Да, он уже раньше был в этой эпохе, через портал ушёл в прошлое, этот переход увеличил ему возраст, а теперь Глен получил свой десяток лет жизни обратно и снова стал моложе. Когда он вернётся в свою родную эпоху, то будет того же возраста, что и уходил. Точнее, почти такого же, потому что прибавятся годы жизни, которые он прибавил, путешествуя в прошлых временах. Реальный возраст рос вместе с днями, проведёнными в реальности.

Жаль, что в эту эпоху он вернулся вынужденно. Денег местных нет, одежды нет, только пистолет, сослуживший ему хорошую службу, пластиковая бутылка воды и граната. Ах да, ещё и блокнот с ручкой.

Не густо, но и не пусто. Еду и деньги можно добыть просто подчинив человека, для Глена это не станет большой проблемой. Ментальная магия весьма действенное оружие против простых людей, а он был сильным магом.

Путешествовать налегке, без вещей, для мужчины было в порядке вещей. Наоборот, проще: не нужно ничего охранять, отслеживать потенциальных воров и предугадывать их возможные происки.

Интересно, удастся ли друзьям защитить мешки с книгами, которые он решил принести из прошлого в будущее. Жаль будет, если пропадут, тогда всё его долгое путешествие через череду временных порталов в глубокое прошлое с его магией электричества окажется впустую. Можно часами рассказывать какие потрясающие артефакты в той эпохе делали, можно описывать холодильники, телевизоры, люстры или телефон, но без книг, где объясняется суть, основа их электрической магии, ничего не возможно будет объяснить, а уж тем более не повторить и не освоить.

– Эх, а какие отличные бытовые артефакты у них в прошлом научились делать! – маг вспомнил свою благоустроенную квартиру, где он прожил два года исследуя тот мир и вздохнул. – Освещали, обогревали, охлаждали, перевозили, что в далёких странах показывали, общаться на расстоянии позволяли. Легче сказать, чего они не могли. Такого удобства теперь нигде нет.

Глен посмотрел в небо. Судя по времени, немного после полудня. Пока ему нужны только еда и вода. Пара часов ходьбы и он дойдёт до первых построек, а к ночи вернётся обратно. Перейти обратно через портал нельзя в течение месяца, слишком большая нагрузка на организм, можно прямо после перехода концы отдать, бывали уже случаи, говорят. Так что он ограничится только тем, что перекинет друзьям записку, как обещал. Они, наверное, с ума там сходят от тревоги, куда он подевался и не догадываются, что Лютер проследил за ним и просто вытолкнул сюда в будущее.

Ничего, выстрел из пистолета почти в упор, которым Глен ответил бывшему другу, тоже сомнительное удовольствие, правда, целил всего лишь в плечо, но был уверен, что не промахнулся, потому что услышал крик и увидел выпавший из руки противника меч.

Характер не позволил магу сдвинуть руку чуть в сторону и выстрелить Лютеру в сердце. Ни к чему эта излишняя жестокость, но смутные сомнения всё же терзали душу Глена, ведь речь уже не шла о потере книг и вещей. Жизнь постоянно демонстрировала, что оставлять врага за спиной значило подвергнуть опасности не только себя, но и своих друзей.

Но вышло то, что вышло. Лютер ранен и есть большая надежда, что надолго вышел из строя.

Глен ощупал все карманы, чтобы точно знать, что у него есть. Рука наткнулась на какой-то маленький предмет правильной формы.

Он вытащил руку. На ладони лежал коробок спичек. На душе сразу стало теплее: это Эля, волнуясь за него, втайне от него засунула ему коробок в карман.

– А, может, не ходить сегодня никуда? – эта мысль показалась ему весьма разумной. – Идти пару часов, чтобы потом вернуться обратно? Огонь есть, вода есть, живности здесь полно, поймаю магически какую-нибудь зверюшку или птичку. Приду в себя, отдохну, ночью переброшу записку, отосплюсь, и тогда уже отправлюсь.

Через час несколько освежёванных мелких грызунов доходили до кондиции, подвешенных над весело потрескивающим костром. Ближе к вечеру Глен нашёл маленький родник, а потом отыскал камень поровнее, сел писать записку. Она неожиданно вышла многословной, потому что простых слов «у меня все хорошо, езжайте в Наул» оказалось мало. В результате он исписал два блокнотных листа и сложил их вместе квадратиком.

Усталый, он чуть было не проспал открывшийся портал, но ему повезло: в этот раз переход открылся в первой половине ночи. Он не стал переходить, а протянул руку сквозь портал и положил белый квадратик на пол в доме главы.

Когда портал погас, Глен с чувством удовлетворения, устроился поудобнее в норе. В отверстие опять заглядывала луна, было тепло, и даже не так уж и жёстко на земляном полу.

Уже засыпая, он вспомнил злость и отчаяние, душившие его здесь на этом месте буквально сутки назад, и боль, которую ему пришлось пережить.

Всё это ушло, почти забыто и уже не имеет значения. Теперь только вперёд.

* * *

Глен, которого друзья только по старой привычке до сих пор иногда звали Глебом, не пришёл ни ночью, ни утром. Полночи Эля не могла заснуть из-за тревоги, только крутилась в темноте с боку на бок на своей кровати, однако к утру всё-таки провалилась в тревожный сон, а когда открыла глаза уже было светло. Стояло раннее утро, сквозь щели в ставнях проглядывало

солнышко, люди на постоялом дворе начали просыпаться и ночная тишина начала наполняться обычными бытовыми звуками: голосами, лаем, скрипом повозок, стуком посуды.

Глеба не было.

Причиной этого могло быть, что угодно. Он мог просто вернуться и лечь спать у Павла в комнате, чтобы её не беспокоить. Эле очень хотелось бы в это верить, но не получалось.

Она быстро оделась, стараясь не шуметь, пошла к Паше и тихонько постучала условным стуком. Дверь открылась, и на пороге появился взлохмаченный сонный Павел. При виде взволнованной Эли взгляд его прояснился, он посторонился и пропустил её внутрь. Женщина зашла в комнату и сразу бросила взгляд в угол, где лежал скрученный матрас. По этому взгляду мужчины всё понял.

– Глеб не вернулся? – это был вопрос и утверждение одновременно.

– Да. Его нет. Я думала, он тут у тебя. Может, у Коршеня застрял? – с надеждой произнесла Эля.

– Нет, это вряд ли. Если только какое-то невероятное стечение обстоятельств.

Павел сел на кровать и замолчал, осознавая новое положение вещей:

– Итак, Глеба нет. Груз, требующий охраны здесь, в его комнате, цел и невредим. Надо искать караван и ехать в Наул, стараясь не привлекать в себе внимания. И да, ещё есть какой-то мутный Лютер, который может быть причастен к пропаже Глеба и которого нужно держать подальше от вещей, которые мы принесли с собой из прошлого.

– Сначала надо дождаться весточки от Глеба, – размышлял Паша. После исчезновения друга решения придётся принимать ему, и он пытался расставить приоритеты. – Эля хорошо придумала, как передать записку. А пока будем сохранять легенду: она отдельно от меня, я торговец сам по себе, дружу с Коршением и наёмниками и собираюсь в Наул.

– Что будем делать? – Эля нетерпеливо прервала его размышления.

– Пока не знаю.

– Тогда поставлю вопрос уже: что будем делать сегодня?

– Скрываться. Не высовываться. Поддерживать прежнюю легенду. Искать человека, который поднимет и принесёт нам из дома главы записку от Глеба. Морально и физически готовиться к самостоятельному отъезду в Наул.

– Надо бы поспрашивать, не случилось ли что-нибудь в доме у главы, – сказала в раздумьях Эля. – Может, отсутствие Глеба с этим связано? Что-нибудь простое и безыскусное. Задержала стража, и сидит он сейчас в кутузке в подвале у главы Алатая.

– Что-то не верится, с его-то способностью подчинять и создавать иллюзии, – ответил Павел. – Вряд ли. Конечно, может я и переоцениваю его способности, но сомневаюсь в простой причине его задержки.

Условный стук известил о том, что этим утром Коршеню тоже не спится. Павел открыл дверь.

Одного взгляда на растерянно сидящих в комнате Элю и Павла наёмнику было достаточно, чтобы понять, что Глен не вернулся. Можно было уже ничего не спрашивать.

– Что надумали?

– Ждём один день, добываем записку из дома главы, потом решаем.

– Элина целый день в комнате проведёт? – спросил наёмник.

– Почему? – возмутилась Эля.

– Потому что в одиночку приличные женщины не появляются, – удивился этому неожиданному для него вопросу Коршень, – мы с Павлом по легенде с тобой почти незнакомы. С кем ты выходить собралась?

Эля насупилась. Она совсем забыла про жёсткие правила этого мира, которые были совершенно естественны для Коршеня.

– А если бы Глеб уехал куда-нибудь, я что, безвылазно в комнате сидела бы?

– Он тогда должен был бы нанять охрану себе на замену.

– Давай я тебя найму на замену, – вырвалось у Эли. Получилось весьма двусмысленно, Павел закашлялся в кулак, пытаясь скрыть смех.

– Можно было бы и меня, – улыбнулся Коршень, делая вид, что не замечает этого якобы кашля, – однако до прояснения ситуации мне пока стоит держаться тени. Согласитесь, вполне вероятно, что кто-то Глену поспособствовал пропасть. Вот я со стороны и наблюдаю. Особенно если мы в Наул направимся, я просто могу наняться туда в охрану.

– Если не тебя нанимать, то кого тогда? – вопросительно взглянула на него Эля.

– Сич уезжает, Гора найми. Защита от подчинения у него стоит. Лютер этот явно себя как-то проявит, если это его козни. Денёк продержишься, а там станет понятнее, что делать. Согласен? – он посмотрел на Павла.

– Он дело говорит, Эля, – кивнул тот головой. – Согласен. Ладно, пора завтракать, есть хочется. Ты Гора сам осчастливишь тем, что у него дополнительная работа нарисовалась?

– Да. Элина, жди его в комнате, одна в столовый зал не выходи.

Коршень каждый раз внутренне удивлялся, что Элине приходится снова и снова напоминать такие простые правила, которые каждая девочка здесь знает с детства. А она почему-то постоянно их забывала, будто воспитывалась где-то в совсем другом мире, в другой стране с другими правилами жизни. Там, где женщины ходят в одиночку, учатся, умеют читать и писать, работают без присмотра и не опасаются попасть под чьё-то нежеланное покровительство.

В столовую они спустились по отдельности. Коршень сел с Павлом за один стол, Эля с Гором за другой.

Настроение у всех было подавленное, хотя внешне они пытались этого не показывать. Эля задумчиво ковырялась в своей тарелке, погружённая в свои мысли, но мало-помалу начала прислушиваться к тому, что говорил хозяин «Усталого путника». А он, смеиваясь, пересказывал последние слухи, то, что с утра принесли его работники и о чём с раннего утра гудел весь Алатай.

Никто точно ничего не знал, но слухов было в избытке:

– Дом главы ночью чуть не провалился. Такой грохот был, все с кроватей у них повскакали! И рядом дома чуть не обвалились.

– В середине большого столового зала лужа крови. А посередине мертвец лежал с большим топором, а потом исчез.

– Глава всю свою охрану поднял и всю ночь все были настороже.

– А их девчонка вчера за ужином чужого человека видела, страшный, старый, да всё глазами по сторонам зыркал.

Эля поймала многозначительный взгляд Павла.

– Да что там могло такое быть? – обратился он к хозяину. – Врут, небось.

– Может, и врут. Но, дыма без огня не бывает. Что-то там ночью было, что наделало столько шума. У меня племянник у главы в охране работает, может, позже узнаю что там произошло на самом деле.

– Нарочно зайдёт к дяде рассказать?

– Нарочно заходит к дяде обедать каждый день, – усмехнулся хозяин.

– Может, позволишь послушать, что говорит? Интересно, от чего такой переполох в городе.

– Да подходите, если тут будете, все соберутся послушать, я мальчика за вами пришлю.

Эля совсем собралась уже уходить из столового зала, когда хозяин подошёл к их столу.

– Хотел сказать самому отцу Глену, но, смотрю, его нет, – сказал он, глядя на Гору.

– Он уехал по делам, – сказал Гор.

– Тут такое дело... На знакомого его вчера ночью напали, весь в крови на рассвете пришёл, лежит там в комнате. Я ему лекаря вызвал с утра.

– На Лютера? – догадалась Эля.

– Да.

Эля нахмурила брови.

– А я-то тут при чём?

– Потому что он действительно просил вас позвать.

– Меня? А не Глена?

– Он знает, что отец Глен в отсутствии.

Эля переглянулась с Гором.

– Хорошо. Как к нему пройти? – сказала она вслух, а про себя подумала: – Хоть узнаем, где живёт и что ему надо. И ведь уже откуда-то знает, что Глеба нет.

Хозяин позвал мальчика, помогавшего при кухне:

– Проводи матушку.

Оказалось, что комната Лютера находится в другом конце постоянного двора и к нему нужно идти по боковой лестнице. Это Элю порадовало, так как совершенно не хотелось оказаться у него в соседях.

Она постучала, дождалась приглашения и вошла в комнату. Следом вошёл Гор.

На кровати лежал бледный до синевы Лютер. Увидев её на пороге своей комнаты, он прикрыл глаза, отвернулся и застонал, не подозревая, что этим испортил всё впечатление. Вместо раненого и нуждающегося в сочувствии человека, она увидела подростка, который пытается её разжалобить.

– Хорошо, подыграю мужику, – решила Эля, – посмотрим, во что он вляпался и что затеял.

Она присела рядом с кроватью.

– Что случилось, отец Лютер? И как назло Глена нет! – полным сострадания голосом, беспомощно хлопая ресницами, воскликнула она.

– Я знаю, что его нет, – тихо ответил мужчина, ласково коснувшись её здоровой рукой. Касание было как бы мимолётным, но явно несло более глубокий подтекст. – Мы были вдвоём, когда это случилось.

– Вдвоём? – удивилась она. – Вы вдвоём исследовали... – она покосилась на Гора, оставшегося у дверей, – хм... переход?

– Да, решили пойти вдвоём.

– Но он говорил, что пойдёт один!

– Мы решили это в последний момент.

Эля точно знала, что это ложь. Павел проводил Глеба до ворот дома главы Алатая, и туда маг вошёл один.

– Но, вы здесь, ранены, а где же тогда он?

Ей не нужно было изображать тревогу, она просто выпустила её из себя. Голос задрожал, на глазах показались слёзы.

– Боже мой! Что же с вами случилось?

– Там с той стороны были люди, – слабым голосом произнёс Лютер. – Первым шёл Глен. Потом я. Было темно. Они выждали, когда мы появимся, а потом ударили. Глену досталось мечом, а мне каким-то длинным узким кинжалом.

Глен вытолкнул меня назад и крикнул: «Возьми Элину под покровительство». И всё закончилось. Переход закрылся, я раненый остался лежать на полу.

Эля закрыла лицо руками и постаралась взять себя в руки. Внутри всё клокотало. Ей хотелось схватить этого преследовавшего свои корыстные цели молодого вруна, который рядился под зрелого ответственного мужчину, наплевать на его рану и начать трясти до тех пор, пока она не вытрясет из него всю правду. Но идеи гуманности и человечности, которые с пелёнок

воспитывали в ней всем обществом, слишком глубоко вросли в её личность. Она не могла причинить ему боль, даже если он был отъявленным мерзавцем.

Эля злорадно улыбнулась про себя, вспомнив, что она не одна, что за спиной у неё стоят мужчины, которые, если нужно, заставят этого подлеца говорить правду. Хотя, всё, что нужно этот негодяй уже сказал. Правда и так сама проявляется по его словам и косвенным признакам. Логика проста, если Лютер с раннего утра раньше них знает, что Глеба нет, это означает, что он там присутствовал в момент перехода и видел, что случилось. И откровенно врёт про покровительство. Получается, скорее всего, сам и устроил пропажу, желая захватить Гленовы вещи, записи, да и саму Элю. Нечего ему было делать втайне от Глена в танцевальном зале в доме главы кроме как вредить!

Она шмыгнула носом, вытерла глаза краем платка и патетически воскликнула:

– Я верю, что Глен вернётся! Пока за мной присматривают, – она покосилась на Гора, – я буду его ждать. Однако Вам нужно отдохнуть. Я приду позже, – добавила Эля уже тише, наклонила голову и многозначительно поглядела Лютеру прямо в глаза. – Выздоровливайте.

Она ласково ему улыбнулась, встала и вышла.

Гор, который наблюдал от дверей это нежное прощание, был поражён, когда всегда мягкая и незлобивая матушка Элина вышла из комнаты и, закрыв за собой дверь, мгновенно смахнула с лица грустную улыбку и прошипела как змея:

– Скотина брехливая.

А потом вспомнила, что рядом идёт Гор, покосилась на его удивлённое выражение лица и сказала уже спокойным тоном:

– Врёт он. Матушку Элину даром заполучить захотел. Да только слишком молод меня очаровать.

Гор удивился ещё больше, раненый мужчина в комнате юным ему совсем не показался.

Пока они шли по столовому залу, Эля заметила, что лекарь ещё тут и подседа к нему за стол с самым дружелюбным выражением лица. Лекарь был немолодой худой мужчина с густыми бровями и строгим выражением лица. В прошлой жизни она приняла бы его за преподавателя.

Он принял расспросы незнакомой женщины о раненом постояльце с большим недоверием.

Мужчина не грубил, но и ничего не отвечал, уворачиваясь от её настойчивости с недовольным выражением лица.

Эля совсем было загрустила. Подчинять она не умела, а это так бы сейчас пригодилось!

Она посмотрела на лекаря магически и внезапно поняла, как можно использовать свои способности и без подчинения. Эля усилила своё свечение эфирного слоя, поймала состояние, которое позволяло ей завораживать людей движениями в танце, почувствовала то, что называла внутри себя «кураж» и увидела, как слои кокона лекаря стали светиться ярче, как бы резонируя с её слоями. Эля потянулась и убрала пару тревожных вихрей с ментала мужчины.

Суровость лекаря как-то размякла, поплыла и полностью растаяла. Строго нахмуренные брови, нависшие над переносицей, разошлись в стороны и он вдруг приветливо улыбнулся:

– Вы очень приятная дама. А почему вы так интересуетесь отцом Лютером?

– Он хочет взять меня под своё покровительство, – потупилась Эля. – Согласитесь, мне нужно узнать, что за рана и чего от неё ждать в будущем.

– Ну хорошо, я расскажу. Отец Лютер ранен в плечо и потерял много крови, но рана не опасна, кость цела. Только рана какая-то странная.

– Что в ней странного?

– Я не понимаю, чем её сделали. Она не резаная. Она колотая, но не похоже ни на кинжал, ни на меч. Круглая она, будто острой палкой проткнули насквозь, да только это и не палка,

щепок в ране нет. Но вы не волнуйтесь, мазь у меня хорошая, кость не задета, рука будет действовать как и прежде.

– Ох, спасибо, вы меня успокоили.

Эля поднялась и пошла к лестнице, ведущей в их комнаты. Сидящий рядом Гор поднялся за ней.

* * *

Эля пересказала друзьям встречу с Лютером и беседу с врачом.

– Пулевое ранение у Лютера, похоже, – сказал Паша в раздумьях. – Получается, что стрелял Глеб и с близкого расстояния. Лютер ранен, значит, лужа крови получается его. А Глеб по всей вероятности остался с той стороны перехода, поэтому и не вернулся.

– Да, похоже, что так всё и произошло! Не мог Глеб сказать, чтобы этот жулик взял меня под покровительство! Врёт он, сам всё подстроил. Хочет меня с вещами приватизировать, однозначно! – продолжала Эля возмущаться.

– Мы с Павлом проводили Глеба до дома главы, один он заходил, это точно, – Коршень кивнул головой. – А может, Глеб где-то у главы в доме под замком?

Они переглянулись. В такое развитие событий не верилось, но вероятность, даже маленькая, всё же была.

Дальнейшие действия были понятны для всех. В обед Коршень с Павлом попробуют узнать у племянника хозяина побольше, постараются через него найти кого-то кто принесёт им записку из дома главы. Только после этого можно будет решать, что делать.

Одно дело, если Глеб перешёл в портал. Значит, надо было двигаться в Наул. И другое дело, если его держат в доме главы, хоть это и маловероятно. Если это выяснится, то его надо было как-то вытаскивать оттуда.

Коршень всё-таки сходил и узнал, когда собирается идти следующий караван на Наул. Оказалось, что он отправляется буквально через два дня.

Друзья озадачились. Стоит ли срочно покупать повозку и собираться в путь до выяснения судьбы Глеба? Два дня для сборов на недельное путешествие – маловато.

На срочном отбытии настаивала Эля, которая не сомневалась, что нужно скорее исчезнуть из Алатая, пока Лютер лежит с раненым плечом. Она была уверена, что Глеб перешёл через портал. Это значит, что перейти обратно этим же порталом в Алатай он сейчас не может. Месяц его не будет, а потом они встретятся в Науле.

Когда они обедали в столовом зале, пришёл племянник хозяина, крепкий мужчина с широкими плечами и чуть наметившимся брюшком над поясом, и сразу стал центром внимания. К нему за стол подсади все любопытствующие, включая кухарку и горничную.

– Что там было-то у вас ночью?

Мужчина молча ел, изредка поднимая глаза на окружающую его толпу. Ему льстило это всеобщее внимание и явно хотелось растянуть это удовольствие.

– Да не томи, что там у вас было-то?

Мужчина доел, сыто рыгнул, отодвинул тарелку и сказал:

– Переполох у нас был. Я ночью на обходе был вокруг дома. А потом в доме что-то как грохнет. Ну мы и побежали в дом. Где грохнуло-то непонятно.

– Ой, жуть какая! – разволновалась впечатлительная кухарка.

– Мы к комнатам главы, – продолжил мужчина, – а он сам выбегает, ничего у него не случилось, сам проснулся от грохота. Ну мы по дому пробежались, вроде у всех всё хорошо, домочадцы все живы-здоровы, никто не пропал, ничего не обвалилось, всё на месте. Что так грохало – непонятно. А темно же, ночь! Ну, вроде утомонились. А к утру вдруг визг, забегаем в большой столовый зал, а там...

Он сделал драматическую паузу и обвел замерших слушателей взглядом.

– Ну! – нетерпеливо выдохнула побледневшая кухарка. – Не томи!

– А там с рассветом девка на кухню шла и нашла в центре зала... – опять пауза, которая натянула сидящим за столом слушателям нервы до предела, – засохшую лужу крови и след кровавый в сторону коридора тянется, будто убили кого, а он потом уполз. Мы ночью-то в темноте кровавого следа не заметили.

– Значит, не мертвец это был, а просто раненый, – засомневался кто-то из слушателей.

– Если просто раненый, почему его никто не видел, весь дом ведь осматривали и никто не спал?

– Да кто-то помог просто.

– Глава тоже так думает, что кто-то из своих этого раненого вывел. Но грохот такой отчего был? И что делал в столовом зале тот, кто этот грохот устроил? И кто тогда его ранил, и за что, и почему в доме главы?

Мужчина опять оглядел замерших слушателей.

– Нет, всё слишком загадочно.

– А глава теперь где?

– Да в городе где-то, делами занимается.

– А девушка ваша как, не заболела от потрясения? – спросил Коршень. – Интересно послушать, что она сама говорит.

– Да что ей сделается.

Павел рассеянно слушал и думал, как найти человека, который принесёт им записку из этого взбудораженного происшествием дома главы. Девушки на хозяйстве, конечно, встают рано утром и теоретически могли бы незаметно поднять послание с пола танцевального зала, однако они в одиночку по улицам здесь не ходят и из-за этого договориться с ними будет сложно.

Коршень тоже подумал об этом.

Он отозвал Павла в сторону.

– Может, легче с хозяином договориться, а он уже с племянником, а тот сам в доме кого надо найдёт?

– Похоже, это самый лучший вариант. И поговорить надо сейчас, чтобы он сказал нам решение племянника. Если он упрётся, придётся кого-то ещё искать. Нас время поджимает, записка будет уже этой ночью, нельзя позволить ей пропасть. Сдавать хозяину Лютера будем? И говорить, что Глен пропал? – Павел испытующе посмотрел на друга.

– Про Глена не хотелось бы. Сразу Элина в непонятном положении оказывается.

Коршень прекрасно себе представлял насколько шатко и неустойчиво положение одинокой женщины в этом мире. А братъ её под покровительство сейчас Павлу нельзя. Это лишнее внимание к нему самому и его вещам. Себя у Элины в покровителях Коршень даже в мыслях не видел. Да и основная причина всё та же, по легенде важно оставаться от этой женщины в стороне.

– Тогда про Глена молчок. Мы к нему никаким боком не относимся, ничего про него не знаем, а записка, которую принесёт племянник, адресована нам и интересуется только нас. Про Лютера скажем, что это он был ночью в доме главы, кровь его, а мы только случайно видели как выходил раненый оттуда. Случайно!

– Как добудем послание от Глена, уезжать нужно сразу. Ох, права Элина, как только Лютер оклемается, сразу руки к ней потянет, не отобьёшься. Надо о нём племяннику рассказать. Главе доложит, а он заинтересуется да отвлечёт Лютера подольше расспросами, тут мы и уедем. А Наул город большой, там легче затеряться.

Павел кивнул и добавил:

– Говорить будешь ты, местных лучше знаешь и как с ними разговаривать тоже.

– Хорошо.

Коршень махнул хозяину, чтобы он подошёл за их стол.

– Нужно поговорить, – тихо сказал наёмник, когда хозяин уселся за их стол. – Начну сразу с сути. Я знаю, кто пробрался в дом главы и чья кровь была на полу в зале.

– Чья же?

– Я скажу, но мне в обмен нужна от тебя услуга. Она ничего тебе не будет стоить, не несёт никакой опасности и будет хорошо оплачена.

– Что вы хотите?

Мужчины переглянулись.

– Нам нужно, чтобы твой племянник принёс записку из дома главы.

– Какую записку? От кого? От кого-то из домашних? От его жены? – хозяин откровенно удивился.

– От кого неважно, но можешь не беспокоиться: не от домашних. Записка к семье и дому главы не имеет никакого отношения. Даю слово, что эта бумажка никоим образом не касается интересов главы. Это просто неудачное стечение обстоятельств, что она там оказалась. Найти её будет легко. Мы с тобой знакомы много лет, и ты знаешь, что я никого не подвёл и не обманул.

Повисло молчание. Теперь ход был за хозяином.

– Сколько платите?

Это был очень скользкий момент. Нужно было попасть в желаемую сумму точно, чтобы и заинтересовать, и не спугнуть, и интуиция Коршени не подвела.

– Хорошо, записка в обмен на деньги и имя того, кто был в доме, – сказал вставая хозяин, – пойду поговорю с племянником. Если будет согласен – подойдет.

Племянника долго уговаривать не пришлось. Дяде он доверял и не сомневался, что плохим людям родственник помогать не будет, да и очень хотелось узнать, кто был в доме. Может и с этого удастся пользу получить. Они окончательно обо всём договорились, хотя условие, что записку надо будет подбирать только завтра и именно на рассвете охранника озадачило.

Теперь оставалось только ждать.

Окончание дня и вечер тянулись медленно и уныло. Все рано отправились спать.

* * *

Утром, когда Коршень вошел в комнату к другу, Элина уже сидела там же на кровати. Увидев его, она подскочила и бросилась к нему навстречу. Даже спокойный всегда Павел выглядел взволнованным и нетерпеливо шагнул к Коршеню.

– Ну как, была записка? Она у тебя? – женщина стояла рядом и вопросительно заглядывала наёмнику в глаза, этим немного его смущая.

– Была. У меня. Да только...

– Что?

– Да только я не могу прочитать, что там написано.

Коршень залез в карман, вытащил несколько бумажных листочков, сложенных квадратиком и протянул другу.

– Мы прочитаем. Наверняка Глеб подстраховался и написал на языке, который здесь не известен.

Павел развернул послание и молча пробежал глазами строчки, написанные мелким убогим почерком по-русски, потом начал читать вслух, сразу переводя для Коршени:

– Привет, друзья мои. У меня всё в порядке, жив и здоров. Очень сожалею, что не смог вернуться. Мне помешал Лютер, который мечом не пускал меня обратно, пришлось задействовать пистолет. Надеюсь, я Лютера серьезно ранил, чтобы он в дальнейшем не мешал нам.

Итак, во-первых, вам надо спрятаться. Уходите из Алатая. Всё равно куда, я сюда не вернусь, а вернусь в эту эпоху через портал в Науле ровно через тридцать дней, начиная с этой ночи.

Во-вторых, если будете в ту ночь сидеть у портала в большом храме в Науле, выйду на несколько секунд, покажу проход и сразу уйдём. Тогда не надо будет ждать ещё месяц в Науле, пока я восстановлюсь после перестройки организма на старость.

Третье: если не сможете ждать у портала, живите в гостинице «У храма» или держите с ней связь. В Науле есть надёжный человек. Это маг. Его зовут Тередин, у него лечебная лавка. Передайте ему привет от Глена Горсета (это моё настоящее имя) и попросите помощи. Я ему полностью доверяю. Однако минус в том, что Лютер его тоже знает.

В-четвёртых: если меня не будет больше года – устраивайтесь без меня. Но помните, что я постараюсь сделать всё, чтобы вас забрать.

Будьте осторожны, берегитесь Лютера. Он пусть слабый, но маг. Видит намного больше, чем остальные.

И последнее...

Тут Павел поднял глаза на Коршениа и сказал:

– Тут написано для нас насчёт тебя, но, я прочитаю, думаю, тебе пора принимать решение.

Он опустил глаза к записке и прочитал:

– И последнее. Мне кажется, что Коршениа пора рассказать о нашем путешествии поподробнее, чтобы он мог решить, идти с нами дальше, или нет. Вы сами знаете почему. Очень надеюсь, что до Наула он будет с вами.

Эля, дорогая, ты очень дальновидная женщина, отдельное тебе спасибо за спички.

Павел поднял голову.

– Это всё.

Эля протянула руку, забрала исписанные листочки из блокнота и стала перечитывать.

Наступило молчание. Мужчины обдумывали новую уже сложившуюся ситуацию. Всё прояснилось, оставалось только правильно спланировать дальнейшие действия.

– Ну, какие будут предложения? – спросил Павел.

– Предлагаю начать с рассказа о путешествии, – Коршениа прямо поглядел ему в глаза, – расскажите-ка мне то, о чём тут в записке у Глена написано. Почему я могу решить не идти с вами в Наул?

Павел растеряно оглянулся на Элю: объяснять бывший десантник не любил, предпочитая действовать. Она улыбнулась его растерянности, шагнула ближе к Коршениа и сказала успокаивающим тоном:

– Всё просто. Мы в Науле собираемся уйти в другой мир, откуда, скорее всего, не будет возврата. Ты можешь оставить нас сейчас, или только помочь нам добраться до Наула, а можешь и пойти с нами через переход в другой мир. Мы возьмём тебя, если ты захочешь.

– Какой другой мир?

– В будущее. Тот, который будет здесь через... – она замялась, не зная как точнее определить Коршениа временной прыжок длиной в целое тысячелетие, – через много лет, когда будут жить внуки внуков правнуков людей, которые живут сейчас и ... даже ещё позже.

– Вы сами пришли оттуда?

– Да, мы тоже пришли из другого мира, – Эля умудрилась найти правдивый ответ, не говоря правды. Лгать Коршениа не хотелось, но и объяснение истинного положения вещей всё только усложнило бы.

Коршениа отошёл к окну и задумался. Теперь всё их путешествие, все непонятные ранее слова и поступки этой троицы укладывались в стройную картину. Они были не просто приезжими, они были чужими по образу мышления. Становилось понятным, почему матушка Элина

так сильно отличалась от местных женщин и не знала простейших норм поведения, принятых здесь. В их мире женщины играли какую-то другую роль и подчинялись другим правилам.

Павел смотрел на задумавшегося наёмника.

– А ведь мы ему ещё про омолаживающий эффект портала ничего не сказали, – сказал он Эле по-русски.

– Скажем перед самым порталом, чтобы не смущать таким бонусом, – ответила она.

Коршень повернулся на звук незнакомой речи.

– Что ты ей сказал сейчас? – настороженно спросил он.

– Ничего опасного, – улыбнулся его настороженности Павел, – Ты думай, вопрос сложный. Но решать нужно быстро, потому что нам нужно понимать, что делать и как из Алатая выбираться.

– Быстрое-то решение уже есть, – усмехнулся наёмник, – однозначно я провожу вас до Наула, а там посмотрим. Так что, по сути, у меня есть месяц для размышлений, так ведь?

– Отлично! – обрадовался Павел и бросил на друга быстрый взгляд: – Однако любопытно было бы узнать, что тебя может толкнуть уйти с нами в другой мир? Там жизнь чуть легче и немного комфортнее, но ведь мы можем попасть там на военный период, просто тяжёлые неурожайные годы со всеми вытекающими, а здесь ты оставишь всё хорошо знакомое, понятное и всех, кого любишь..

– Не знаю. Наверное, с вами мне просто интереснее жить, вы мне нравитесь, – при этих словах он невольно оглянулся на Элю, – я вам доверяю, да и оставлять мне тут особо нечего. Ни дома, ни семьи. А теперь и любопытно посмотреть, как там наши внуки правнуков будут жить.

Он насмешливо посмотрел на женщину.

– Тогда военный совет предлагаю считать открытым, – Павел не стал тянуть, смахнул улыбку с лица и стал серьёзным. – На повестке дня основной вопрос – как выбраться из Алатая, чтобы сбить со следа Лютера.

Вариантов несколько.

Первый – просто всем троим уехать завтра караваном до Наула.

– А разве Гора не возьмём? – удивился Коршень.

– А зачем?

– Так, Павел, тогда первый вопрос другой: продолжаем ли мы легенду: Эля отдельно, ты с мешками отдельно, а я твой друг. Или объединяемся и едем втроём. Теперь-то я понимаю, почему в ваших головах не укладывается, что каждая женщина должна быть под присмотром. У нас тут женщины одни только дома сидят. Значит, если Эля отдельно, то кто-то должен её сопровождать и охранять. Мне кажется, легенду надо продолжать. Так что присмотр Элине нужен, и в нашем случае она будет под присмотром Гора, больше некого. Мне кажется, Гор будет не против продолжить поездку в Наул, но, конечно, с оплатой. А я буду охранять тебя и вещи.

– Хорошо. Если легенду продолжаем, то в караване нам нужно две повозки!

– Необязательно. Элю просто можно пристроить к чужой. Вещей у неё мало. Тебя с мешками к чужой повозке пристраивать не хотелось бы.

– Хорошо. Легенду оставляем. С Гором поговоришь ты. Второй важный вопрос: в Наул мы сейчас поедem или нет? Можно сделать крюк и изобразить, что не Наул является нашей целью.

– Тоже верно.

– Мне кажется, – подала голос Эля, – главное сейчас, определить, кто скрывается и от кого скрывается. Тогда многие действия будут понятнее. Кто? Я одна скрываюсь, тогда только от Лютера. Или мне скрываться и от главы Алатая, если Лютер ему о Глене расскажет? Или ты, Паша, скрываешься от непонятного преследователя, который охотится за нашими мешками?

Тогда ему до меня вообще не должно быть никакого дела. Можно вообще разделиться, и ехать в разные стороны, но не хотелось бы.

Мужчины переглянулись.

– Пока вычеркнем главу Алатая из этого списка. Хотя ты права, если глава узнает о Лютере, то Лютер может заинтересовать его твоей персоной.

– Коршень, ты сказал племяннику об Лютере?

– Сказал, но с тем, чтобы если он и сообщил главе, то завтра. Я думал, мы уже с караваном на Наул уйдём.

– Мне надо сегодня навеститься к Лютеру, – вздохнула Эля, – чтобы он не подозревал ничего, не поднял панику раньше времени и думал, что я сижу в этом же постоялом дворе и дожидаюсь Глена, или его покровительства. Как бы подстроить, чтобы он уверился, что у меня нет ни записей, ни вещей, которыми он так интересуется? Вроде как уехала и захватила только сундук с тряпками?

– Пока он не найдёт записи Глеба – не успокоится. Даже если ты голышом уйдёшь. Будет тогда тебя трясти, допытываясь, куда Глеб мог спрятать свои вещи. Кстати, здесь, если ты под его покровительством, никто даже и пальцем не пошевелит, чтобы тебя защитить.

– Что, даже убивать можно?

– Формально нельзя, репутация пострадает. Но воспитывать можно, даже плетьюми.

Эля побледнела. Лютер предстал перед ней совсем с другого ракурса, не как безобидный заигравшийся подросток, а как мужчина, который для достижения своей цели может пойти и на жестокость и насилие.

– Не бойся, Элька, в обиду тебя не дадим, – Павел успокаивающе обнял её за плечи.

В течение следующего часа они выработали план действий. Насколько он удачен и что они не смогли предусмотреть – им покажет сама жизнь.

На сегодняшнем утреннем совете было решено ехать всё-таки в Наул. Караван выходил завтра, ехать предстояло десять дней. Однако для горничных Эля должна была изобразить свой отъезд уже сегодня и в противоположную сторону – обратно на побережье. Исчезновение Глена было прекрасным обоснованием к якобы возвращению матушки Элины домой.

А вот в караване в Наул с утра она должна будет предстать в другом образе и с другим именем. Гор позаботится о том, чтобы купить им место в чужой повозке.

Эля улыбнулась, вспомнив обсуждение, в каком образе она проведёт следующие десять дней путешествия в караване. Бабушкой она уже не выглядела, а её существенно постройневшая фигура на расстоянии внушала иллюзию молодой женщины.

– Ну, и кем ты теперь будешь у нас, Эля? На бабушку ты теперь не тянешь, – рассуждал Павел, внимательно разглядывая её со стороны. – Ну-ка, покрутись.

Эля послушно покрутилась перед мужчинами, которые внимательно её рассматривали.

– Молодой и богатой тебе тоже быть не к чему, у тебя в защитниках теперь будет один Гор. Однако выглядишь ты теперь... – Павел задумался.

– Как старшая сестра Гора она теперь выглядит, – ответил на незаданный вопрос Коршень. – Так что самое лучшее, вы брат и сестра, имя придумаем. Как бы внешность немножко Элине поменять?

– Это можно! Минуточку! – Эля решила немножко похулиганить. Она отвернулась, вытаскивала из косметички, которая лежала в её рюкзаке, помаду с карандашом, быстро подвела глаза и брови, подкрасила губы и повернулась к мужчинам.

Павел, знакомый с такой боевой женской раскраской, только ухмыльнулся, зато Коршень, непривычный к таким манипуляциям с лицом, вытаращил глаза и отшатнулся.

– Не надо так себя раскрашивать, – сказал он после минутного напряжённого молчания. – Это только внимание к себе привлекать.

– Что, не понравилось? – не выдержал и засмеялся Павел.

– Нет, – сказал Коршень медленно, явно подбирая слова, чтобы не обидеть женщину, – какая-то неживая и странная.

– Будто у вас здесь женщины губы ярче не делают, – шутливо надулась Эля.

– Ярче, но не другого цвета.

– Ну, не надо так не надо, – женщина отвернулась и стала мокрым платком стирать косметику с лица, однако в глубине души ей было приятно, что её настоящая внешность больше устраивала Коршню. Всё-таки в основе этих убойных косметических ухищрений был открытый обман и желание показать себя лучше, чем ты есть на самом деле, а вот этого желания у Эли как раз и не было. Сейчас она хотела быть собой и только собой в своём лучшем варианте.

* **

Десять дней путешествия в караване до Наула требовали серьёзной подготовки и мужчины взяли это на себя. На Эле лежала задача внушить Лютеру спокойствие и уверенность, своим поведением убедить, что ещё несколько дней она никуда не денется. Это даст возможность им исчезнуть

Теперь женщина стояла перед дверью и искала в себе нужный настрой. Она постучала и затем вошла в комнату. Гор остался у приоткрытой двери в коридоре.

Понятно, что нужно постараться ублажить эго Лютера, всячески успокаивать, расслаблять и снижать бдительность, чтобы он не почувствовал, что рыбка сорвалась с крючка и готова нырнуть в глубину, где её будет сложно найти. Однако о чём именно говорить с бывшим другом Глена, она не знала. О чём вообще можно было говорить с этим предателем, если даже видеть его не хотелось?

Лютер всё так же лежал на кровати, но выглядел намного лучше. На плече была свежая повязка, к кровати был придвинут стол, на котором стояли кувшин с кружкой и лежала книга.

– Интересно, что он читает, – подумала Эля, – кстати, прекрасные темы для разговора: погода, прочитанные книги и просмотренные фильмы. Последний пункт, правда, вычёркиваем, а вот первый и второй могут пригодиться.

Она медленно приблизилась к кровати и попробовала сместить свои эмоции в сторону сострадания, постаравшись увидеть в Лютере всего лишь раненого мужчину, который нуждается в сочувствии и уходе.

– Как вы, отец Лютер? – спросила она и присела на массивный табурет, стоящий недалеко от кровати. – Сегодня вы выглядите гораздо лучше.

– Ох, Элина, дорогая, давайте оставим эти вежливые расшаркивания между нами. Зовите меня просто Лютер, а я вас буду звать просто Элина. Согласна?

– Как скажете. Действительно, так, наверное, будет лучше, – она смущённо опустила глаза.

– И на ты. Хорошо, Элина? – приветливо улыбнулся мужчина.

– Хорошо. Так как вы... ты... себя чувствуете... чувствуешь?

– Лучше, хотя рука ещё болит. Вот только мне очень скучно. Никто меня не навещает, только ты.

– Наверное, есть причина, если здесь у тебя нет ни одного друга, – подумала про себя женщина, а вслух сказала:

– Как может быть скучно, если у вас есть книга? А можно я её посмотрю?

– А ты умеешь читать?

– Да, – гордо произнесла она, – Глен меня недавно научил. Хотя, конечно, быстро читать пока не выходит.

– А как ты у Глена оказалась? – маг как бы незаметно убрал книгу со стола.

Эля мысленно поставила себя на место оставшейся в Коксе Олги, постаралась представить, что бы отвечала она, родившаяся и выросшая в этой эпохе, и стала вдохновенно сочинять историю своей жизни. Она приукрашивала свой рассказ мелкими бытовыми деталями, которые наблюдала вокруг, живя в роли бабушки Киры в Коксе, только вместо Коксы в рассказе фигурировал город Мон, тоже находившийся на побережье, но существенно дальше.

Гор, ухмыляясь и поражаясь её фантазии, слушал её красочный рассказ из коридора. Он вместе с Лютером узнал, что матушка Элина вдова, дочь недавно выдала замуж, раньше находилась под покровительством двоюродного брата мужа.

– Каким-то непонятным образом Глен меня забрал. Уж как он уговорил брата, не знаю, – бесхитростно поведала она, сделав вид, что не догадывается о магическом подчинении.

Эля пыталась оставить у внимательно слушающего её мужчины впечатление достаточно умной, способной, но простодушной местной жительницы, которую Глен взял с собой за наличие магических способностей, женскую заботу и в перспективе удобную молодую любовницу.

И, кажется, ей удалось переиграть Лютера. Её восхищенный ласковый взгляд из-под ресниц сыграл свою роль. Мужчина расслабился, заулыбался и взял её за руку. Приходилось признать, что когда он так открыто и искренне улыбается, то кажется очень хорошим и надёжным, прекрасным спутником. Эле пришлось мысленно напомнить себе об его неблагоприятном поведении. В голове просто не укладывалось, что за этой доброй улыбкой скрывается обманщик и подлец.

Она попыталась перекинуть нить разговора на него.

– Что мы всё обо мне, да обо мне. А вы откуда? Женаты? Где побывали?

– Не вы, а ты... – напомнил ей Лютер. – Глен, наверное, уже обо мне тебе всё рассказал.

– Сказал, что вы... то есть, ты его друг, что путешествовали вместе. Но вы ведь давно не виделись. Вы... ты ведь и жениться мог за это время, – кокетливо повела плечами она. В этой эпохе женщина внешне была на добрый десяток лет моложе Лютера, поэтому могла себе позволить ужимки молодой женщины.

Лютер стал рассказывать о себе. Нет, конечно же, он ещё не женат. Ещё не встретил ту самую единственную на всю жизнь. При этом Лютер многозначительно посмотрел на женщину.

Он рассказывал и за общими словами всё же проскакивала какая-то конкретика, названия городов и людей. Эля старательно слушала, хотя не знала, что из этого правда, а что ложь.

Её заинтересовал рассказ о том, как маги чуть не замёрзли во время выюги, когда добирались до очередного портала.

– Значит, и в холодные края мы когда-то попадём, не только по жаре добираться, – подумала она, хотела сказать что-то вроде «да, у нас тоже сугробы бывали по пояс», однако вовремя вспомнила, что согласно своей легенде, снега она не должна была в своей жизни видеть вообще и в последний момент прикусила язык. А вместо этого произнесла с восхищением в голосе:

– Да... Снег же, наверное, очень холодный. Вы настоящие герои!

Лютер ещё хотел что-то спросить, но Эля уже поднялась:

– Я совсем вас утомила, да и приличия... Меня ждут в коридоре. Мне совершенно не хочется, чтобы пошли слухи. Я всё ещё надеюсь, что Глен вернётся.

Она промокнула уголком платка несуществующую слезу, подошла к приоткрытой двери, оглянулась на пороге, послала Лютеру ласковый взгляд и вышла.

Эля оглянулась на Гора. Он кивнул, и они вместе, как и планировали, спустились по лестнице, вышли из «Усталого путника» и нашли вполне приличную съёмную комнату, чтобы переночевать одну ночь до завтрашнего отхода каравана на Наул.

Потом они вернулись и разыграли небольшой спектакль для горничных в «Усталом путнике», чтобы девушки точно запомнили, что эта постоялица съехала, потому что встретила здесь родственницу, с которой теперь и собирается вернуться в родной Мон.

Всё прошло замечательно. Эля, радостно щебеча о том, как ей повезло и скоро она, наконец, снова увидит дочь, вместе с горничной собирала вещи, Гор зашёл к Павлу и сообщил, куда именно они переселяются уже как Гор и Селина, брат и сестра.

Она подошла попрощаться с хозяином «Усталого путника» и очень удивилась, когда мужчина наклонился к ней и тихо сказал:

– Был рад с вами познакомиться. Желаю спокойного путешествия в Наул.

Эля вздрогнула.

– Я еду в Мон! Откуда вы взяли? – попыталась возразить она, но наткнулась на насмешливый взгляд.

– Я много вижу и замечаю, иначе давно бы разорился. Люди часто хотят показать не то, что есть на самом деле. Однако не волнуйтесь, я вас не выдам. Это моя благодарность за защиту от подчинения.

– Глен всё-таки успел?

– Да. Передавайте ему поклон и наилучшие пожелания. Уверен, вы встретитесь.

От этих неожиданных тёплых слов Эля с трудом сдержалась, чтобы не обнять хозяина и не расцеловать в обе щёки. Мужчина прочитал этот порыв в её подозрительно заблестевших глазах, ласково ей улыбнулся, кивнул головой и громко сказал:

– Прощайте, матушка Элина. Удачной вам дороги в Мон! Надеюсь, как-нибудь ещё погостите у нас!

– Прощайте, – кивнула она, и вышла в сопровождении Гора.

Глава 2

На следующий день Лютер ждал Элину всё утро, однако она не пришла. После полудня он решил послать за ней горничную и велел передать, что ему стало хуже, надеясь надавить на её совесть.

Когда горничная сообщила, что матушка Элина съехала с постоялого двора ещё вчера, и по слухам, отправилась домой, маг чуть не зарычал от злости. Куда её понесло? Эта дурёха могла все записи Глена просто выбросить за ненадобностью. Её срочно надо было найти. Но как? Только если расспросить сопровождающего, который оба раза ждал Элину в коридоре. Но его тоже не было. Скорее всего он с ней ушёл. И где теперь прикажете её искать?

Лютер расспросил хозяина, горничных, но все вполне искренне и уверенно говорили одно и то же: вчера встретила родственницу и с ней поедет в Мон.

Одна или нет они не знают, но её вещи нёс её сопровождающий, и он тоже не вернулся.

Настроение у Лютера было отвратительным. Из-за этой вертихвости обрушился весь тщательно выстроенный им план. Подлость, какую он совершил по отношению к Глену, насильно перетолкнув его в будущее тысячелетие, оказалась напрасной. Записей добыть не удалось. Мысли о том, что Элина обвела его вокруг пальца и захватила все бумаги Глена, чтобы потом воспользоваться самой, он не допускал. Её магический уровень был слишком низок, она просто не смогла бы в них разобраться. Да и зачем ей записи мага-странника, если она порталов видеть не может?!

– Что же мне делать дальше? – напряжённо размышлял Лютер лёжа в своей комнате. – Искать эту дурёху? Где и как? Алатай всё-таки не деревня, человека искать как иголку в стоге сена. Нет, не найду я её так просто, она местная, всё здесь знает. Да и ехать мне сейчас куда-нибудь опасно, плечо ещё болит, как-бы воспаление не схватить.

Уже стемнело, южная ночь опустилась на город и принесла с собой звук поющих цикад. Но Лютер в своей глубокой задумчивости не слышал ни звуков их ночного концерта, не заме-

чал ароматную волну, которую приносил с собой прохладный ветерок, иногда пролетающий в разогретой дневной жарой комнате.

– Получается, зря поссорился с Гленом. Все мои усилия, всё прахом, – тяжёлыми глыбами перекатывались мысли в его голове. – Никакой пользы не вышло. Лучше бы тихо телепался с ними в Наул да расспрашивал понастойчивее. Может, что-нибудь интересное Глен бы и рассказал. Ещё и эта ночная суета в доме, которая получилась от грохота. Лишнее внимание привлёк.

Лютер поморщился и вспомнил тот гулкий гром, прокатившийся по всему дому, что прогремел с той стороны портала. Тогда в ночной тишине магу показалось, что от этого грохота затряслись стены. А после этого последовал ужасный толчок, который разворотил ему плечо, заставил выронить из руки меч и упасть на спину. Хорошо хоть сознания не потерял и у него хватило сил сначала заползти под какую-то лавку, где в темноте его не заметили. Он остановил себе кровь и на рассвете смог с помощью иллюзии и подчинения выйти через кухню и сад. Сил не было, внимание расплывалось, поэтому иллюзия вышла очень короткая, но её хватило, чтобы выйти под личиной и завернуть за угол, а потом из последних сил доковылять до «Усталого путника» и попросить вызвать к себе лекаря.

* * *

Глава Алатая Рон не собирался оставлять без расследования тот переполох, который случился ночью в его доме. Этот властный мужчина не мог вынести мысль, что кто-то посмел пробраться в его дом и смог уйти безнаказанным.

Что этому неизвестному было нужно в его доме? И самое главное, необходимо понять, что произошло, чтобы не допустить этого ещё раз! Его дом не проходной двор!

Рон тщательно опросил всех работников и домочадцев, никто чужаков не видел, ничего особенного или подозрительного не заметил, и не похоже, что кто-то из них врал. Единственное, что было понятно без вопросов, это то, что в центре столового зала кто-то был серьёзно ранен и потерял много крови. Кто? Почему? Кем и как ушёл?

Глава в первый же день сорвал свою злость на домочадцах и наказал всю свою охрану, однако он и сам понимал, что охранники могут быть и не виноваты. Этого раненого мог провести кто-то из домашних.

И ещё этот непонятный грохот, который всех разбудил. Что это было?

Рон собирался докопаться до истины. Нельзя было упускать контроль над событиями, это было чревато потерей власти в городе. Он управлял целым городом железной рукой, и отдавать город другому человеку, метившему на его место не собирался. А такие в городе были, и не один.

Известие о том, что кто-то видел выходящего ночью из его дома раненого постояльца «Усталого путника», Рон принял как сигнал к действию.

Однако ситуация была такой странной, что он поосторожничал и сначала послал разузнать об этом постояльце. Его люди отправились на постоялый двор и сначала обо всём расспросили хозяина. Да, есть раненый, зовут Лютер, да пришёл окровавленный в ту ночь, сказал, что напали грабители. Нет, на бандита не похож.

А под конец, хозяин, поколебавшись, сказал:

– Про него ходят слухи, что он из тех, кто может приказать заставить делать людей то, что ему нужно.

– Как это?

– Ну, вот прикажет он тебе пойти убить главу города, ты пойдёшь и убьёшь, а потом никому не докажешь, что ты не сам до этого додумался, а тебе просто было приказано так, что ты отказаться не мог.

Когда Рону передали эти слова, он призадумался. До этого первое, что он хотел сделать, это притащить этого Лютера и хорошенько всеми имеющимися способами расспросить, чтобы, наконец, выяснить, что в доме тогда произошло. А теперь может оказаться всё куда сложнее.

Можно было просто приказать этого Лютера убить, но тогда бы так и остался неясным вопрос, что собственно тогда случилось в его доме.

Но и оставлять такого опасного человека в городе нельзя, но вот если чем-нибудь его зацепить, взять его в оборот и заставить работать на себя! Надо было всё обдумать.

А пока пусть его люди просто последят за этим Лютером. Посмотрят, что будет делать этот странный постоялец, да как себя вести.

За два дня слежки выяснилось, что Лютер вёл себя как обычный больной. Изредка выходил из своей комнаты и прогуливался, не отходя далеко от постоялого двора. Если бы не предупреждение хозяина, Рон давно отдал бы приказ притащить этого Лютера к себе в подвал и вытянуть из него подробности той странной ночи.

Получается, если этот постоялец может подчинять словом, то для предосторожности нужно его этого слова лишить. Нужно заставить его молчать, чтобы хотя бы люди, посланные за ним, смогли справиться с заданием и по меньшей мере не отпустить его.

– А ведь, если Лютер может подчинять, то он может приказать вообще пойти и убить их посланного. То есть меня, – размышлял Рон. – Получается, чтобы он не подчинил себе моих людей, надо его или опоить, или просто вырубить. А лучше и то, и другое.

Добавить в питьё нужных травок постояльцу не составило труда, и бессознательного Лютера уже вечером перенесли в дом главы Алатая.

На следующее утро Лютер очнулся на жёстком топчане в незнакомой ему комнате без окон. Только на потолке виднелось маленькое отверстие с решёткой из прутьев для вентиляции, под ногами земляной пол, да кроме топчана в камере стояли грубо сколоченный стол, табурет, да помойная вонючая бадья в углу.

– Где я? Что от меня нужно?

Страх накрыл мага. Он боялся физической боли и понимал, что подчинение подчинением, а против простых побоев у него нет защиты.

Он прислушался. Через отверстие в потолке доносились голоса, лай собак, ржание лошадей, в общем, весь набор звуков большого хозяйственного двора.

– Кажется, я в городе в большом доме. Наверное, это глава как-то дознался, что это именно я был в его доме. Интересно как? – мысли путались, действие дурмана ещё действовало, страх, леденит сердце и не давал спокойно обдумать ситуацию. – Можно задействовать подчинение на первого, кто войдёт и выйти в коридор, а дальше? Иллюзию тоже накинуть можно на одного-двух, больше у меня сил не хватит. Хорошо хоть рука зажила достаточно, чтобы не бояться воспаления.

– И вещи! Мои вещи! – пронзило его отчаяние. – Там же у меня всё, монеты, драгоценности! А они же остались на постоялом дворе и, скорее всего, обратно я их не получу!

Лютер застонал от осознания величины потерянного и в который раз пожалел о том, что решил обмануть Глена. Ситуация вышла из под контроля и грозила неприятностями ему самому.

В это время Рон наблюдал за узником из глазка в дальней стене, замаскированного под сучок. Ему сразу доложили, когда Лютер очнулся и теперь глава наблюдал за ошеломлением и отчаянием своего узника.

– Хотелось бы посмотреть как он подчинять будет, чтобы знать чего ожидать, – размышлял Рон, – чем бы его спровоцировать? Для начала пусть пойдёт девка с едой да водой. Да строго ей приказать с пленником не разговаривать. Посмотрим, как он себя поведёт.

Спустя некоторое время заскрипел отодвигаемый засов и в камеру вошла девушка. В руках у неё был поднос, на котором стоял кувшин с водой да кусок хлеба. Лютер приподнялся на своём топчане и стал её рассматривать.

Девушка молча быстро подошла к столу, поставила поднос и повернулась было уходить, как мужчина взял её за руку и сказал звучным глубоким голосом:

– А как зовут тебя, милая?

Глава Алатая хмыкнул. Домочадцы перед ним трепетали и приказы выполняли беспрекословно. Вряд ли девчонка осмелится что-то произнести.

Но тут его брови поползли на лоб. К величайшему удивлению Рона, она очень тихо, но прошептала своё имя.

– А где я нахожусь?

– В доме главы.

Вопросы сыпались один за другим. Лютер явно торопился, каждую секунду стража могла вмешаться и остановить этот поток ценной информации, выдаваемый под подчинением.

– А далеко ли идти до двора? Куда поворачивать? Сколько стражников на входе?

Вопросы были короткими и конкретными, ответы девушки вполне информативными. Дом и его домочадцев она хорошо знала.

– Так вот как действует подчинение! Получаешь ответ на любой вопрос. Или выполняешь любое действие! И сколько людей одновременно Лютер так может подчинить? А если посадить его на цепь, сможет ли он заставить его выпустить? А его самого, Рона, сможет заставить делать то, что Рон сам не хочет?

Потрясённый глава Алатая очнулся. Девушку в камеру запустили по его приказу и стражники не следили, сколько она там пробудет. Надо было срочно вытаскивать её оттуда, пока она этому Лютеру план всего дома не нарисовала.

Уже вполне верилось, что с такими способностями этот человек даже раненый мог бы выбраться из хорошо охраняемого дома.

Ситуация требовала осмысления, а текущие дела, которыми был полон каждый день Рона уже накатывали и требовали внимания. Он не стал сразу же как обычно сажать узника на цепь, запугивать и ломать, выколачивать из него всё, что нужно.

– Пусть посидит до завтра, – решил Рон, – вечером всё обдумаю в спокойной обстановке и пойму что делать. – Вот только стражникам нужно категорически запретить заходить внутрь. И эта дурёха пусть вечером ему еды принесёт, да только пусть проследят, чтобы зашла и сразу вышла, без вопросов.

В результате этой отсрочки у пленника появилось время, чтобы выработать план побега. У мага в рукаве остался ещё один весьма крупный козырь, ведь про создание иллюзий глава Алатая даже и не догадывался.

Весь день Лютер обдумывал, что делать. Маг прекрасно понимал, что каждая минута, проведённая в этой камере, приближает его к допросу с пристрастием, против которого он, скорее всего, не сможет ничего противопоставить. Ну подчинит он главу, так нелогичное поведение Рона, его заторможенный вид и приказ отпустить заставит окружающих действовать агрессивно. Того и гляди, от страха убьют и самого Лютера.

Нет, надо бежать до того, как его потащат на встречу с главой, тем более, девушка рассказала ему всё необходимое: маг уже понял, где именно находится в доме главы, а все закоулки этого большого здания он давно изучил из-за наличия портала в танцевальном зале.

Если вечером придёт эта же служанка, то нужно воспользоваться этой возможностью. Другой может не быть.

Магу повезло. Вечером пришла та же дворовая девка.

Дверь открылась, она вошла с подносом, прошла несколько шагов и поставила поднос на стол. Лютер среагировал мгновенно.

Он знал, что стража стоит у дверей, но никто внутрь его камеры почему-то не зашёл.

Девушка, послушная тихому приказу Лютера, опустилась на топчан и закрыла глаза. Теперь в темноте камеры можно было лишь заметить, что на топчане кто-то лежит, а кто именно до утра будет не рассмотреть. Лютер сосредоточился, подошёл к двери и предстал перед стражниками в образе служанки. Всё заняло буквально полминуты и выглядело так, будто девушка зашла в камеру, поставила поднос и сразу вышла.

Засов задвинули и Лютер, не торопясь, пошёл к выходу. Зайдя за угол, он оглянулся и пошёл к воротам. Маг прекрасно знал куда идти и какую личину принять, чтобы его выпустили.

Он беспрепятственно вышел из ворот и спокойно уже в своём облики направился к постоялому двору. Хозяин постоялого двора встретил его удивлённым подозрительным взглядом, но поприветствовал и ничего спрашивать не стал. Комната, оплаченная заранее Лютером, оставалась ещё за ним, вещи остались в сохранности.

Теперь главное было исчезнуть из города как можно скорее.

На рассвете маг ушёл вместе с первым же подвернувшимся караваном. И неважно, что шёл он на побережье, в сторону, противоположную от Наула, потому что первоочередной целью было спрятаться подальше от глаз главы Алатая.

Когда утром стражник, трясясь от страха, доложил Рону, что пленник превратился в его дворовую девку и теперь рыдает в камере, он сначала поверил, предупредил помощника о возможном подчинении, бросился к камере и шагнул туда с мечом наготове.

На топчане сидела вчерашняя девушка, которая приносила пленнику еду, и смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами.

– Ты как тут оказалась? – прорычал глава.

– Еду приносила, а пото-о-ом... не помню-ю-ю-ю... – зарыдала она, падая перед ним на колени.

– Ушёл, стервец, – даже с каким-то восхищением подумал Рон. – Заменял себя на девку и ушёл. Может, и к лучшему. Не справился бы я с ним, если он так может.

Звериная интуиция этого властного человека подсказывала, что с этим, так легко исчезнувшим из его хорошо охраняемой камеры Лютером, лучше не пересекаться. Не стоит его ловить и догонять, а отказавшись от его поимки, сам глава Алатая уберёжет себя от больших проблем, нежели приобретёт что-либо, имея этого Лютера рядом в качестве вынужденного помощника.

Глава 3

Глен шёл к Алатаю и радовался, что вчера решил переночевать в той земляной норе, в которую попал из-за козней Лютера. За день он смог спокойно отдохнуть и, самое главное, перекинуть листочки бумаги с такими важными для них всех указаниями к действию. Эта написанная наспех записка давала надежду, что маг сможет перетащить друзей в эту эпоху, не переходя портал, а просто показав им путь, который видел только он.

По каким-то мелким штрихам и деталям в пейзаже Глен ощущал, что сейчас здесь не самые лучшие времена. Постройки, к которым он приближался, оказались разрушенными, часть домов вообще сожжена, людей не было видно.

Сочная зелёная трава зеленела у него под ногами, но никаких мирно пасущихся лошадей, коров или коз он не заметил. Было такое чувство, что все затаились и только наблюдали за ним, одиноко идущим путником, гадая, откуда он такой храбрый взялся, раз гуляет в одиночку.

Глен вышел на дорогу. Вдалеке виднелись крыши города, который даже называться мог уже не Алатай, а как-то по-другому. В этой эпохе редко, но уже встречаются маги и защита от подчинения, но всё это в основном в больших городах. У них нет пока ни магического кодекса, ни этики, никаких норм поведения магов, полная анархия и никаких запретов. Всё это Глен узнал, когда ещё только двигался в эпоху Эли и Павла. Тогда он провёл в этом мире всего пару

месяцев, дорога была ему известна, так что тогда он напрямик направился в Наул. Войны тогда в этих местах не было? Или была, однако тогда он попал на перемирие?

Почему сейчас-то так тихо и мрачно?

Дорога вела напрямик к городским воротам, в которые втягивались одна за другой направляющиеся в город редкие повозки. Глен присмотрелся: общество потихоньку самоорганизовывалось, повозки не требовали непрерывной охраны, поэтому в некоторых с грузом сидел только один возница.

Глен выбрал повозку побогаче, а возницу почище и остановил его. Подчинить мужчину не составило труда. Возница представил стражникам на воротах мага как своего родственника, заплатил за обоих пошлину за въезд в город и послушно выдал Глену пару монет, чтобы пообедать и переночевать. Маг не стал забирать у него все деньги, чтобы не привлекать внимания. Найти кого-нибудь и выманить ещё пару монет для бытовых нужд будет несложно.

Через час он уже сидел в просторном столовом зале постоянного двора, который посоветовал возница. Действительно, в снятой Гленом комнате было чисто, еда оказалась вкусной и сытной, а хозяин производил впечатление спокойного и уверенного в себе человека.

В утренний час в столовом зале людей почти не было. Расспрашивать хозяина о том, что происходит в городе и демонстрировать свою полную неосведомлённость Глен не стал. Карта городов этой эпохи осталась в его вещах в «Усталом путнике» тысячу лет назад. Пару дней он себе отвёл для отдыха и восстановления, вот за них и нужно составить план действий и начать действовать. Маг разрешил себе отдохнуть в своей комнате до вечера.

Вечером, отоспавшись, он спустился в столовый зал, уже полный посетителей, сел в углу и стал слушать разговоры, потягивая пиво и разглядывая местную публику.

Да, за тысячу лет изменения, конечно, есть: и в одежде, и в интонациях, да и язык опять изменился, хотя Алатай и остался Алатаем. Глену понимать разговоры новый язык не помешало, он освоил его ещё за свои прошлые посещения этой эпохи.

Действительность оказалась хуже, чем ожидалось. Королевство, в котором он родится через пару тысяч лет в будущем, переживало муки становления, периодически вспыхивали войны за обладание территориями. Вот в одну из таких войн Глен и попал, и что самое отвратительное, Наул находился сейчас в руках врага. А точнее, это Алатай и прибрежные города сопротивлялись и не желали объединяться с Наулом в одно целое. И вот теперь предстояло пробираться в этот стан врага, а ведь наверняка и караваны не ходили, и мародёров в смутные времена было в избытке, и с той стороны отлавливали всех подозрительных кандидатов в лазутчики. Успеет ли он добраться за месяц?

Можно было бы купить лошадь и добираться и одному, но тогда нужна или надёжная карта, или надёжный проводник, а где их взять? Надо всё хорошенько обдумать.

Глен просидел в столовом зале почти до самой ночи, а потом поднялся и по скрипучей лестнице направился в свою комнату.

Какой-то шорох сзади заставил его насторожиться, однако среагировать он не успел: сильный удар по голове погрузил его в беспомощность.

* * *

Очнулся Глен в темноте. Сколько часов он провёл без сознания было непонятно, но в зарешеченное окошечко под самым потолком были видны искры звёзд. Значит, ещё ночь.

Жутко болела голова. Маг повернулся на бок и ощупал рукой место вокруг себя. Как оказалось, он лежал на куче соломы, брошенной на земляном полу. Пахло гнилью и нечистотами. Каждое движение головы вызывало прилив тошноты.

Мужчина, стараясь не качать головой, осторожно приподнялся и сел, прислонившись к стене, и через несколько минут волны тошноты схлынули.

Он ощупал карманы. Пистолет исчез, граната тоже, а вот спички остались. Маленькая коробочка в углу бокового кармана не привлекла внимания.

Глен прислушался. Стояла тишина, только вдалеке лаяла собака. Ночь, все спят, никто не помешает заняться собой.

– Себя лечить хуже всего, – вздохнул маг и стал потихоньку убирать у себя головную боль и заращивать рассечённую ударом кожу. Стало легче. К отвратительному запаху он постепенно притерпелся и перестал его замечать. Голод его пока не мучил.

– Хорошо хоть успел поесть как следует, – мелькнула мысль.

Теперь оставалось только ждать. Если не убили сразу, значит, что-то от него нужно. А если что-то нужно, то кто-то должен с ним об этом поговорить. Вот во время разговора и выяснится, кто сильнее.

Глен хотел снова лечь и в этот момент совсем недалеко почувствовал чужой кокон.

Кто-то находился вместе с ним в этой безмолвной темноте.

Маг настроился и уловил тревожные вихри на коконе, страх, физические повреждения и...

И он понял, что этот незнакомец был женщиной.

Она сидела в метрах трёх от него, не шевелилась и почти не дышала, видимо, боясь привлечь к себе внимание. От неё не исходила опасность, а наоборот, её кокон ходил волнами от её собственного неконтролируемого страха.

Глен лёг, расслабился и постарался уснуть. Отдых ему сейчас для восстановления очень нужен, куда больше, чем выяснение отношений с испуганными женщинами.

Когда маг проснулся, уже было утро и свет, падающий из маленького окошка из потолка уже позволял рассмотреть место, где он оказался.

Видимо, это было место, где в Алатае держали преступников. Каменный мешок с земляным полом, несколько метров в длину, несколько метров в ширину, солома на полу, тяжёлая кованая деревянная дверь.

Глен приподнялся. В плохо освещённом дальнем от него углу застыла фигура съёжившегося человека, присутствие которого маг ощутил ещё ночью. Коротко остриженные торчащие лохмы, мужская одежда. Если бы не магическое зрение, он никогда бы не догадался, что это не мальчик, а молодая худенькая женщина, почти подросток.

Она не шевелилась.

– Эй, ты кто? – спросил Глен.

Она молчала.

– Не бойся, не трону я тебя. Мы где?

Ответа не последовало.

– Слушай, девочка...

– Замолчи! – громким шёпотом прошептала она и её шёпот, в котором ясно читался страх, был похож на шипение защищающейся змеи.

– Подойди, да расскажи мне кто ты и как мы тут оказались, чтоб я громко не кричал, тогда я сохраню твою тайну, – Глен понял, что именно хотела сохранить незнакомка своей неподвижностью и воспользовался этим. – Иди, не бойся, я действительно тебя не трону, а договоримся, ещё и помочь смогу.

– Да как ты сможешь помочь, – пробурчала женщина, пересаживаясь поближе.

Маг присмотрелся. Небольшое окошечко под потолком света давало мало. В полутьме да и под слоем грязи, покрывающей её лицо было невозможно разглядеть черты лица, однако было ясно, что Глен оказался в компании с нескладным подростком, очень юной девушкой, почти девочкой, которая привыкла притворяться мальчиком и это придавало ей дополнительной угловатости.

– Не бойся, – повторил мужчина, – я тебя не выдам, если сама себя не выдашь. Ты кто? Как тебя зовут? Как здесь оказалась? – в этот момент девочка предупреждающе шикнула. – Хорошо, как ты здесь оказался? Как здесь оказался я?

Девочка недоверчиво покосилась на него, видимо, раздумывая, не соврать ли, но, похоже, решила открыться.

– Меня зовут Тин. Настоящего имени не скажу. Меня поймали, потому что решили, что я наульский лазутчик. Будто бы подглядывал за стражниками и гвардией, – голос у неё был по-детски звонкий. Она его приглушала, но звонкость порой прорывалась.

– А на самом деле?

– На самом деле, я прячусь. А у меня в страже дядька служит, поймал бы меня, мало бы не показалось. Вот и следила... Следил.

– Давно ты тут?

– Со вчерашнего вечера.

– А меня за что?

– Я думаю, и тебя тоже подозревают, что ты лазутчик. Так стража говорила, которая тебя сюда ночью притащила.

– А ещё, что они говорили?

– Что утром оклемаешься, с тобой как следует глава поговорит или его помощник.

– А ты?

– Что я? И со мной поговорят, конечно, – прошептала девочка, и в её голосе Глен почувствовал ужас.

– А почему ты вот так, мальчиком притворяешься, прячешься, от дяди сбежала?

– Потому что не хочу под его покровительством жить. Он мамку уже уморил, да и на меня стал смотреть как-то... с интересом, по-волчьи. Я же расту, уже совсем большая.

– И давно ты так живёшь?

– Два месяца пробегала.

– И что собиралась делать?

– Не знаю. Я уже давно, когда надумала бежать, к тётке собиралась в Наул. Сестра у мамы замуж туда вышла, а мама говорила, что они дружны были. Думала устроиться в караван мальчиком на побегушках и до Наула добраться. А потом эта война опять началась. И так было сложно туда попасть, а теперь совсем тяжело, караваны не ходят. Вот и бегаю прячусь, – совсем тихо закончила она.

Глен протянул руку и погладил девочку по торчащим вихрам и вздохнул:

– Постараемся выбраться. Мне тоже в Наул надо, меня там друзья ждут. Да и не лазутчик я.

– А как тебя зовут? – уже совсем спокойно спросила девочка.

– Глен, – он вздохнул и сказал успокаивающим тоном. – Выберемся, верь мне. И сам доберусь до Наула и тебя не брошу.

Ему показалось, что он уговаривает себя самого. Совершенно непонятно было почему его схватили, кто, почему вообще заподозрили и какие козыри в руках этих людей. Его ментальная магия тоже была козырем, однако с пистолетом и гранатой она была бы куда весомее.

Так они сидели молча рядом некоторое время, а потом послышался звук открываемого засова со стороны коридора.

– Ну что, лазутчик, – прогрехотал бас, и гигантских размеров мужчина в кожаных защитных доспехах зашёл в камеру и оглядел узников, сидящих у стены. – Вставай, разбираться с тобой будут.

Он вывел Глена, закрыл дверь опять на засов, и в сопровождении пары стражников они долго шли по длинным подвальным коридорам, которые закончились лестницей, выведшей их

на широкий двор, с одной стороны обнесённым высоким забором, а с другой двухэтажным длинным каменным домом, напомнившим Глену большую казарму.

Маг огляделся. Он заметил и стражу, и сторожевые башни по углам, и спящих по двору вооружённых мужчин. Похоже он попал в дом главы или казарму.

Его втокнули в просто обставленную комнату на первом этаже, где у стены стояла лавка, стол и рядом что-то вроде табурета, на котором сидел светловолосый мужчина с мелкими аккуратными чертами лица и недовольно сжатыми узкими губами. Рубашка из тонкой ткани и хорошая обувь выдавали его высокий статус.

И, самое неприятное, этот мужчина с кривоватой усмешкой был магом! Пусть слабым и плохо структурированным, но это был действующий маг со своей ментальной защитой и, конечно же, с магическим зрением. Глен увидел это сразу, едва войдя в комнату и решил действовать на опережение. Не теряя времени, он легко сломал ментальную защиту этого самоуверенного мужчины, сидящего перед ним с видом хозяина. Даже лишённый магических способностей Жинг, тогда в прибрежном посёлке, и то сопротивлялся подчинению сильнее.

Теперь перед ним сидел не самостоятельно мыслящий человек, а марионетка, которая только выглядела мужчиной, принимающим свои собственные решения, а на самом деле теперь за него всё решал Глен, и эту иллюзию самостоятельности марионетки надо было поддерживать перед стражниками, чтобы они ничего не заподозрили.

– Стражу стоит отпустить, они не должны слышать то, что я вам скажу, – Глен поклонился, изображая почтительность, чтобы не привлечь внимание к странному поведению местного мага и не вызывать подозрения у стражи. Держать под подчинением одного главного человека намного проще, чем расплывать своё внимание на нескольких исполнителей.

Повинуясь взмаху руки, стража вышла и закрыла дверь. Маги остались одни.

Глен сел на лавку. Он почти успокоился, потому что мог влиять на события.

– Как тебя зовут?

– Брих.

– Почему меня схватили?

– Ты особенный. Я случайно тебя со стены увидел, и заметил, что ты светишься как маг, а здесь я такой один. Послал проследить. Ты весь вечер сидел да разговоры слушал. Решил, что ты можешь быть лазутчиком с той стороны.

– Главе сказал?

– Нет ещё, не успел. Занят он был.

Глен удовлетворённо кивнул, ситуацию можно было повернуть себе на пользу. Вот только очень хотелось пить и надо бы поесть сначала. Восстанавливающийся после старости организм требовал своё.

– Прикажи, чтобы для тебя подали сюда еды и воды!

Внезапно маг вспомнил о девочке, которая осталась в камере.

– И пусть приведут ту.. того парнишку, который со мной ночью в одной камере сидел.

Брих встал, приоткрыл дверь и дал указание страже, стоящей у двери.

– Дык, отец Брих, небось, повесили уже мелкого лазутчика-то! Кто с ним будет разбираться. Только вот этого к вам привели, как вы велели! – донеслось из коридора.

Глен похолодел. Неужели он опоздал? Так просто! Был живой человек со своими радостями, бедами и надеждами и нет его, сломали, будто это и не человек вовсе, а просто бездушная кукла, которую не жалко, и таких ещё можно настругать сотни и тысячи.

– И я ведь обещал ей, что не брошу, и мы выберемся вместе и чуть не забыл про этого ребёнка, – нахлынуло чувство вины и глубочайшей потери. – Может, она ещё жива? Слишком мало времени прошло, просто не успели бы повесить.

Хорошо, что марионетку не волновали возражения стражника, Брих был в таком состоянии, что ничего обсудить не мог, а только выполнял приказы.

– Приведите его, – повторил он страже ровным голосом.

Дверь закрылась, они опять остались одни. Чёткими фразами властным голосом Глен стал вбивать в ментал Бриха строгий план действий.

– Ты посылаешь меня вместе с помощником в Наул. Я согласился быть твоим лазутчиком. Велишь снабдить нас всем необходимым: оружием, лошадьми, едой, одеждой, одеялами и выпустить за ворота. Если тебя кто-то спросит кто мы, ответишь, что мы подчиняемся тебе и ты нас отправил добывать сведения об армии Наула. Завтра, когда ты проснёшься, то не будешь о нас помнить.

Глен замолчал и задумался. Вроде всё учтено. Главное, сегодня выбраться за ворота, дальше всё будет проще.

– Нет, ещё кое-что забыл! – спохватился он, посмотрел на Бриха и спросил:

– Где вещи из моих карманов?

– Здесь.

Брих вытащил пистолет, гранату и ручку. Сапёрной лопатки и блокнота не было.

– А где маленькая лопатка и... бумага?

– У меня в кабинете в ящике.

– А почему ты эти принёс, а другие осталась в кабинете? – озадачился Глен.

– Хотел спросить у тебя, что это. А с лопатой и бумагой понятно, хотя странная она, слишком тонкая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.